



*Посвящается Чарльзу Такеру*



*«Сэр, — произнес Адъютант, обращаясь к Командующему, — Джи-1, Джи-2, Джи-3 и Джи-4 едины во мнении, что, с учетом допустимых потерь, шансы на успех операции составляют 85 процентов».*

*\* \* \**

*В этом и других боевых вылетах мы потеряли сорок четыре самолета.*

*\* \* \**

*Согласно вчерашнему прогнозу Национального совета безопасности движения, за праздничный уик-энд произойдет пятьсот пятьдесят восемь дорожно-транспортных происшествий со смертельными исходами.*



## Глава 1

Когда в спальне зазвонил телефон, Деймон видел очень приятный сон. Он, еще совсем малыш, вцепившись в руку отца, шагал солнечным осенним днем на стадион Йельского университета в Нью-Хейвене, чтобы первый раз в жизни посмотреть футбол.

— Шейла, — пробормотал он, — возьми трубку, пожалуйста...

Аппарат располагался на тумбочке рядом с кроватью на стороне жены. Однако, вспомнив, что ее нет дома, Деймон застонал и с трудом потянулся через всю постель. Светящиеся стрелки маленьких часов на тумбочке показывали половину четвертого. Издав еще один стон, он не глядя нащупал трубку и поднес ее к уху.

— Деймон, — прозвучал чей-то незнакомый грубый и хриплый голос.

— Да?

— Мистер Деймон, — сказали в трубку, — я услышал хорошую новость и захотел поздравить вас одним из первых.

— Что? — переспросил Деймон, едва ворочая языком в полудреме. — Кто говорит? Какая новость?

— Все в свое время, Деймон. Я, как и многие другие, читаю газеты, и то, что узнал о вас, позволило мне заключить, что вы принадлежите к числу тех милых людей, которые всегда готовы поделиться с другими своей удачей — разделить ее с ближними, фигурально выражаясь.

— Сейчас половина четвертого — вы хоть сообщаете, что делаете? Ради всего святого...

— Завтра воскресенье. Вот я и решил, что вы дома веселитесь с друзьями. Субботняя ночь и все такое. Подумал, что вы и меня, может, на выпивку пригласите...

— Заканчивайте, мистер, — устало произнес Деймон, — и дайте мне выспаться.

— Чтобы выспаться, у тебя есть еще куча времени. Ты оказался скверным мальчишкой, Роджер, и поэтому тебе для меня придется кое-что сделать. — Последние слова были произнесены с натужной игри-востью.

— Что? — Деймон растерянно потряс головой, спрашивая себя, не видит ли он очередной сон. — О чем, дьявол вас побери, вы толкуете?

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я толкую, Роджер. — Тон голоса из игривого превратился в угрожающий. — С тобой говорит Заловски. Из Чикаго.

— Не знаю я никакого Заловски. А в Чикаго не был уже много лет. — Деймон позволил просыпающемуся гневу прорваться. — Вы сообщаете, черт побери, что делаете? Звоните посреди ночи... Я вешаю трубку...

— Не советую бросать трубку, Роджер, — сказал человек. — Мне необходимо с тобой поговорить.

— А у меня нет никакой потребности беседовать с вами. Спокойной ночи, сэр. Я прекращаю разговор.

— Как грустно быть свидетелем поступков, о которых кое-кто впоследствии пожалеет. А ты очень пожалеешь, Роджер. Как раз таким роковым шагом может стать и то, что ты не хочешь побеседовать с Заловски. Я желаю поговорить с тобой. Я настаиваю, чтобы это произошло немедленно.

— Но я не в Чикаго. Или вы, может быть, не заметили этого, набирая мой номер? — Окончательно проснувшись, он хотел как можно больнее задеть этого человека — хотя бы по телефону. — Кто вы? Один из телефонных хулиганов?

Затем ему пришло в голову, что этот придурок может оказаться одним из его приятелей, который надрался на вечеринке или в баре и теперь решил пошутить. Профессиональное занятие Деймона привело к тому, что в числе его приятелей появилось несколько весьма странных типов.

— Хорошо, хорошо, — произнес он уже спокойнее. — Что вы можете мне сообщить такого, чтобы я прислушался к вашей просьбе?

— Я вовсе не должен перед тобой оправдываться. К твоему сведению, мистер, боссом здесь выступаю я. И нахожусь я не в Чикаго, а всего в двух кварталах от тебя. Так что вылезай из своего теплого гнездышка, накинь на себя какую-нибудь одежонку и выходи на свой угол... минут через десять. Тебе хватит времени, чтобы почистить зубы и причесаться... — Человек хохотнул, но смешок этот, скорее, напоминал злобный лай.



— Я не понимаю, чего вы добиваетесь, мистер Заловски, — произнес Деймон. — Но даже если у вас есть общие дела с человеком по фамилии Деймон, то сейчас вы говорите не с тем Деймоном. Вы уверены, что не ошиблись, звоня среди ночи, и...

— Заловски не имеет привычки ошибаться. Я говорю с тем самым Роджером Деймоном, и ты это прекрасно знаешь. Поэтому тебе следует встретиться со мной через десять минут. В противном случае... — Человек откашлялся. — ...Могут возникнуть последствия, Роджер, которые тебе не понравятся, очень не понравятся...

— А шел бы ты!.. — бросил Деймон.

— Давай обойдемся без грубостей, Роджер, — сказал Заловски. — И прежде чем ты бросишь трубку, выслушай мое последнее предостережение. Это — вопрос жизни и смерти. *Твоей* жизни и *твоей* смерти, Роджер.

— Имел я тебя... — ответил Деймон. — Ты, похоже, посмотрелся гангстерских фильмов.

— Ты предупрежден, Роджер. Имей в виду, я могу больше и не позвонить...

Деймон со стуком швырнул трубку на рычаг, обрвав омерзительный хриплый голос.

Разговаривая по телефону, он лежал на животе поперек кровати. Бросив трубку, Деймон резко повернулся на спину и сел. О том, чтобы попытаться снова заснуть, не могло быть и речи. Он провел руками по волосам, а затем потер глаза. Руки тряслись, и из-за этого Деймон страшно на себя злился. Хорошо еще, что жена решила провести этот уик-энд в Вермонте у матушки. Звонок ее испугал бы, а потом и рас-

сердил. Она учинила бы ему многочасовой допрос с пристрастием, пытаясь выяснить, что он сотворил такого, что ему начали звонить с угрозами в половине четвертого ночи. В конечном итоге допрос перерос бы в одну из их редких семейных ссор, в которых она пускает в ход такие клише, как: «твой хорошо известные склонности» и «с твоим прошлым». По своей природе Шейла была женщиной спокойной, но терпеть не могла никаких тайн. В тех случаях, когда ей приходилось за него волноваться или когда чудилось, что супруг, ограждая ее от ненужных проблем, что-то скрывает, Шейла становилась вздорной бабой, способной на оскорбление. Может быть, разумнее вообще не говорить ей о звонке, подумал Деймон. До ее возвращения он изобретет предлог, чтобы поменяться с ней местами на кровати. В таком случае на телефонные звонки придется отвечать ему. Правда, это тоже вызовет у Шейлы подозрения, так как ей хорошо известна ненависть мужа к телефонным разговорам. Шейла была его второй женой. С первой он прожил меньше года и успел развестись еще до того, как ему стукнуло двадцать четыре. Вторично он женился в возрасте сорока лет, и вот уже более двух десятилетий — ровно столько продолжался их брак — Шейла измышляла (а если быть честным, то отчасти она была права) картины той мерзкой жизни, которую он вел до их встречи. Она была на пятнадцать лет моложе его, и по логике вещей ревновать следовало ему. Но разве можно искать какую-либо логику в браке?

Вероятно, это была одна из тех шалостей, которыми так любят забавляться подростки, подумал

Деймон. Набрав наугад номер из справочника, они делают непристойные предложения или произносят немыслимые угрозы. А за их спиной хихикают приятели. Но голос его собеседника был не детским, и хихиканья в трубке он не уловил. Как бы то ни было, но Шейле он ничего рассказывать не станет. Этот тип сказал, что может вообще больше не позвонить. До тех пор, пока не раздастся следующий звонок, в семье будет царить мир. Оставалось лишь надеяться, что жене понравится в Вермонте и она вернется в хорошем расположении духа.

Тем временем... Тем временем что?

Он вздохнул и зажег свет. В спальне было холодно, и Деймон накинул на себя шерстяной халат, тут же припомнив произнесенные язвительным тоном слова о «теплом гнездышке». Он побрел в гостиную. Там было темно. Несмотря на то что недавно ему удалось заработать кое-какие деньги, привычка к экономной жизни сохранилась. Деймон включил все лампы. Гостиная выглядела уютной, хотя мебель была немного потертой. Все вокруг завалено книгами. Они жили на верхнем этаже особняка, превращенного ныне в муниципальный жилой дом с умеренной квартплатой, и все комнаты в их квартире были небольшими. Жена постоянно донимала Деймона, требуя избавиться хотя бы от части книг. Он со своей стороны исправно обещал ей сделать это, но книги каким-то непостижимым образом продолжали множиться.

Несмотря на теплый халат, Деймон не мог согреться, и его била легкая дрожь. Ноги у него слегка задеревенели, и передвигался он с некоторым трудом. Ему уже перевалило за шестьдесят, он был крепко

скроен. Его физиономия обветрилась, как у человека, который много времени проводит на свежем воздухе. Ежедневно — при любой погоде — он совершал двухмильные прогулки от дома до офиса и обратно с непокрытой головой. А во время отпуска он один ходил в горы. Тем не менее ноги согрелись только через полчаса после того, как он выбрался из постели.

Достав с нижней полки одного из книжных шкафов телефонную книгу Манхэттена, он положил ее на стол под лампой. Деймон гордился тем, что, пользуясь очками для чтения, мог и без их помощи разбирать буквы и цифры в телефонном справочнике — при хорошем освещении, естественно.

Он открыл книгу на букву «Д» и нашел свою фамилию и адрес: Деймон, Роджер, Десятая Западная улица. Единственный Роджер Деймон, обитающий на Манхэттене. Правда, его можно было найти в справочнике и в другом месте, под другой буквой: «Грей, Деймон и Габриельсен, Литературное агентство». Грей основал фирму и пригласил Деймона в партнеры, когда тому еще не исполнилось и тридцати. Грей умер много лет назад, но, храня верность старику, Деймон не стал менять название агентства. Верность прошлому имеет свои достоинства — особенно в наше время. Фамилия Габриельсена появилась в названии агентства недавно, и произошло это благодаря весьма специфическим обстоятельствам.

Деймон закрыл справочник и вернул его на полку. Ко времени возвращения Шейлы не должно остаться никаких улик. Чтобы рассказать ей о том, что случилось, он подождет подходящего момента, если для этого вообще может быть подходящий момент.

Он отмерил себе приличную порцию виски с содовой, налив из бутылки со стола у стены, и неторопливо смаковал спиртное, глубоко погрузившись в любимое кресло. Выпивка, однако, не помогла ему разгадать то, что произошло в половине четвертого. Вообще-то в Нью-Йорке полным-полно психов. И не только в Нью-Йорке. В Америке. Во всем мире. По улицам городов рыщут убийцы. Их жертвами становятся президенты, священники, люди, ждущие поездов на железнодорожных платформах, обыватели, выходящие из церковных врат или дверей универсамов. «Жизнь и смерть, — сказал этот тип. — *Твоя* жизнь и *твоя* смерть».

Если это не розыгрыш, то где-то его поджидает незнакомец (а может быть, он его знает) с целью причинить вред. Сейчас у него нет сил строить догадки о том, кто этот человек и почему он его преследует.

Ночные мысли.

Деймона начала бить дрожь, и он вернулся в спальню, чтобы попытаться уснуть. Свет в гостиной остался включенным.

## Глава 2

Деймон проснулся от колокольного звона. Перед этим он видел сон. И снова там был его отец — на сей раз один. Он весь светился. И этот свет шел от его улыбающегося, исполненного любви лица. Во сне он остался молодым, таким, каким был в то время, когда Деймону еще не исполнилось и десяти, и совсем не походил на худого, изможденного человека, которым

стал ближе к кончине. Отец стоял, прислонившись к мраморной резной балюстраде, и кого-то манил рукой. В другой руке он держал маленькую пеструю лошадку. В жизни отец занимался тем, что мастерил детские игрушки, безделушки и всякие пустяковины вроде брелоков. Со времени его смерти прошло двадцать лет.

Звонил на сей раз не телефон. Церковные колокола. Воскресное утро. Колокола призывают Нью-Йорк вознести молитвы.

Придите все вы, верующие великого города, — придите прелюбодеи и клятвопреступники, шантажисты и биржевые жучки, пьяницы и наркоманы, грабители и убийцы, побирушки и психи из дискотек, любители бегать трусцой и профессиональные марафонцы. Приходите и вы, тюремные надзиратели, так же как и те, кто карабкается на самый верх или безостановочно катится вниз. Одним словом, приходите как истинно верующие, так и исповедующие ложную веру, чтобы преклонить колена перед Богом, который создал вас по Своему образу и подобию. Последнее, впрочем, вовсе не обязательно.

Деймон заворочался в постели. Из-за отсутствия рядом Шейлы он чувствовал себя несколько странно. Вспомнив о ночном звонке, посмотрел на часы. Девять. Обычно к семи утра он уже был на ногах. Природа оказалась к нему милостивой, одарив сном с четырех до девяти. Пять часов забвения. Воскресный дар.

Деймон рывком поднялся с постели, но вместо того чтобы отправиться в ванную, почистить зубы и принять душ, он босиком затопал в гостиную. Все лампы